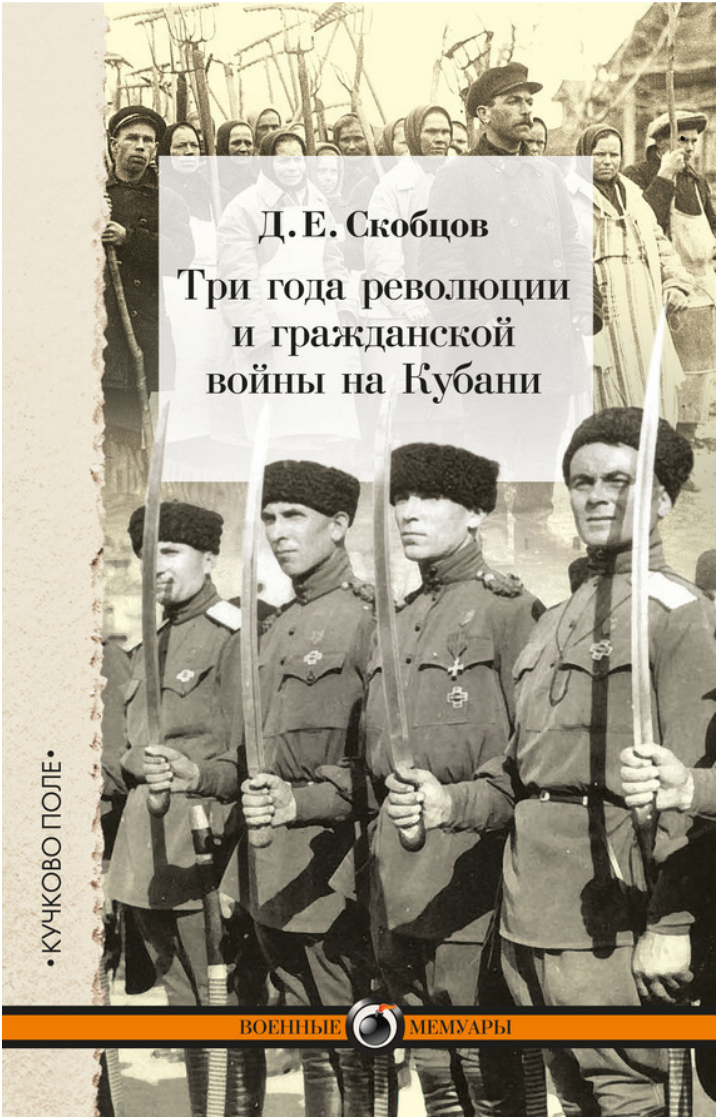

Д. Е. Скобцов

Три года революции и гражданской войны на Кубани

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Даниил Ермолаевич Скобцов

Три года революции и гражданской войны на Кубани

Серия «Военные мемуары (Кучково поле)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104226
Три года революции и гражданской войны на Кубани./ Скобцов Д. Е.: Кучково поле; Москва; 2015
ISBN 978-5-9950-0374-8

Аннотация

Воспоминания общественно-политического деятеля Д. Е. Скобцова о временах противостояния двух лагерей, знаменитом сопротивлении революции под предводительством генералов Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина. Автор сохраняет беспристрастность, освещая действия как Белых, так и Красных сил, выступая также и историографом – во время написания книги использовались материалы альманаха «Кубанский сборник», выходившего в Нью-Йорке. Особое внимание в мемуарах уделено деятельности Добровольческой армии и Кубанского правительства, членом которого являлся Д. Е. Скобцов в ранге Министра земледелия. Наибольший

интерес представляет описание реакции на революцию простого казацкого народа. Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей Белого движения.

Содержание

От автора 6
Введение 7
Краткие сведения из истории Кубани 7
Материальные достижения 28
Народное просвещение 31
Вступление 33
Книга первая 35
Глава I 35
Глава II 42
Глава III 47
Глава IV 56
Глава V 62
Глава VI 74
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Даниил Ермолаевич Скобцов
Три года революции и гражданской войны на Кубани

Публикуется по изданию:

Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. – Париж, 196[2].

От автора

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания были написаны мною в 1925–1929 годах на свежую еще память о всем виденном и пережитом.

Тетрадями в несколько напечатанных на машинке листов в те же годы я пересылал текст воспоминаний в Пражский архив, оставляя у себя дубликат. Предлагаемый читателю текст я несколько сократил. Производя некоторые стилистические поправки, оставил без изменений общее содержание воспоминаний.

Приношу великую благодарность глубокоуважаемому и дорогому Вячеславу Григорьевичу Науменко за моральную дружескую поддержку и за разрешение пользоваться для моего «Введения» в книгу данными о Кубани, отмеченными им и другими авторами в издаваемом и редактируемом им «Кубанском Сборнике», всегда исторически очень ценными.

Большая моя благодарность и признательность также дорогому Никифору Лукичу Кисиль за неожиданный и щедрый дар в виде 800 географических карт Кубани, им самим изготовленных и присланных мне в Париж.

Введение

Краткие сведения из истории Кубани

Площадь Кубанского края до захвата его большевиками равнялась 94 904 км^2 (83 401 кв. версты, или 8 687 170 лес.). Размером своей территории он, следовательно, превосходил из старых европейских государств Данию, Бельгию, Швейцарию, Голландию и Португалию, а количествам населения – Данию и Норвегию.

Жителей в 1914 году в крае числилось 3 122 905 душ.

С севера Кубанский край граничил с землей Всевеликого войска Донского, с северо-востока – со Ставропольской губернией, с востока – с Терской областью, с юга – с Кутаисской губернией и Сухумским округом, с юго-запада – с Черноморской губернией, с запада же омывался Черным и Азовским морями.

Так территориально оформился и населился указанным количеством жителей Кубанский край в течение ста двадцати пяти лет со дня прихода туда казаков Черноморского войска, части бывшего Запорожского войска. 17 021 мужчина и около 8000 женщин переселились с прежнего своего временного местожительства (между Бугом и Днестром) во гла-

ве со своим кошевым правительством, конными и лешими полками, со своей флотилией, при вооружении не только ружьями, но и пушками (малого калибра).

Войсковой судья А. А. Головатый, возглавлявший особую от войска делегацию, получил от правительства императрицы Екатерины II «жалованную грамоту» на «вечное владение, пользование и распоряжение землей и всеми состоящими на пожалованной земле всякого рода угодьями, на водах же и рыбными ловлями». Назначалась при этом Черноморскому войску служба: «бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских». Определялся годовой бюджет из государственной казны: «20 000 руб. на год»… «Мы предоставляем, – говорилось в грамоте, – пользоваться свободной внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковых землях». Устанавливалась при этом преемственность Черноморского войска от войска Запорожского: «возвращались» ему «знамя войсковое и литавры Запорожской Сечи с подтверждением права Войска Черноморского ими соответственно пользоваться, как равно и другими знаменами, булавой, перначами и войсковой печатью».

При выходе войска или частей его и отдельных казаков по служебным делам за пределы войсковой территории дальше ста верст от ее границы устанавливалось дополнительное денежное и материальное довольствие, для лошадей – фураж, для услужающих людей – возмещение харчевых и других расходов.

Пограничные кордоны по реке Кубани были устроены в две линии в количестве до 26 кордонов. На поддержание всегдашней боевой готовности на этой кордонной линии требовалось постоянно занятых службой до двух тысяч человек старшин и рядовых казаков.

Иностранец на русской службе в должности херсонского военного губернатора дюк де Ришелье, побывавший в расположении черноморцев, отмечал: «На всем протяжении кордонной линии были плавни и болота, покрытые непроходимыми камышами и другими болотными растениями, заражавшими гнилью воздух и порождавшими неизбежные болезни и смертность. В такой-то убийственной местности, наполненной мириадами комаров и мошек, беспощадно жаливших всякое живое существо, черноморцы проводили кордонную жизнь…»

Но службой на кордонной линии не исчерпывались обязанности черноморцев. Не успели они закончить свое устройство на новом месте, как пришло распоряжение атаману З. А. Чепиге отправиться *с* двумя пятисотенными полками в Польшу. Суворов, которому принадлежало там командование русскими силами, еще во вторую турецкую войну хорошо ознакомился с боевыми качествами черноморцев и лично с атаманом Чепигой как их военачальником, поэтому не преминул его вызвать с казаками в Польшу.

Через короткий срок пришло новое распоряжение другим двум пятисотенным полкам черноморцев отправиться в г.

Баку, по тому времени – в «Персию». Полки повел войсковой судья А. А. Головатый. В этой «персидской войне» главное командование армией принадлежало бездарному графу В. Зубову. Прежде всего из рук вон плохо была организована в войске продовольственная и санитарно-лечебная часть. Много людей погибло от голодовок и болезней – малярии и пр. С похода вернулось не больше половины казаков. На обратном пути этого «персидского» похода скончался и начальник отряда А. А. Головатый. Случилось гак, что еще раньше смерти А. А. Головатого в Екатеринодаре умер 27 января 1797 года вернувшийся из польского похода кошевой атаман 3. А. Чепига и казаки, собравшиеся в Екатеринодаре, поспешили избрать на его место кошевым атаманом А. А. Головатого, о смерти которого в Екатеринодаре еще не знали… Получился сложный и острый кризис войсковой власти: сошли со сцены в тяжкий момент войсковой жизни Чепига, верный старым традициям Запорожья безбрачник, добрый воин «без страха и упрека», и Головатый – мудрый устроитель войсковых дел[1]. Оставался, правда, третий член выборного кошевого правительства – Т. Котляревский, войсковой писарь, но он оказался много ниже тех первых двух и по своему духовному росту, по верности старым запорожским традициям и чувству «товарисства». В вину ему

---

[1] Сохранилась о Головатом поговорка на всякий затруднительный случай: «Знае об Тім тількі Бог та Головатий Антін…» (Здесь и далее примечания даются по изданию 1962 г. – *Примеч. ред.)*

прежде всего нужно поставить принижение значения войскового (кошевого) правительства.

Вызванный в Санкт-Петербург на коронацию Павла I, он принял от последнего «назначение» на выборную должность войскового атамана и по возвращении в войско не только не сложил с себя этого звания перед всем войском, что, казалось, должен был сделать, а, наоборот, упорно держался его. Между тем вернулись с «персидского» похода казаки и без того раздраженные за перенесенные невзгоды и неоправданные потери и лишения в походе. Был учинен бунт, казаки «персидского» похода вышли на площадь с оружием в руках, к ним присоединились и другие казаки. Котляревский обратился за помощью к находящемуся поблизости общеимперскому большой силы отряду. «Бунт» был подавлен. В результате немало черноморцев было подвергнуто публичному телесному наказанию и сосланы в Сибирь. Кто успел, бежали… «накивали пьятами»… к запорожцам за Дунай…

Император Павел I выдал черноморцам, по примеру Екатерины II, особую «жалованную грамоту», по содержанию, однако, существенно отличавшуюся от екатерининских двух «грамот»; в титуле атамана была выпушена основная его особенность: наименование атамана в грамоте приводилось без основного его почетного звания «кошевой», «войсковой», т. е. сам титул лишался общевойскового объединяющего значения. Главной же особенностью было помещение в грамоте пункта пятого: «…соизволяем, чтобы и управление

дел до оного (войска) относящихся восприняло лучший образ…», «повелеваем учредить войсковую канцелярию», т. е. вместо прежнего «войскового правительства» учреждалась именно «канцелярия», а в ней повелевалось присутствовать от войска

Черноморского атаману, двум членам, а сверх того, «особам», «каковых мы заблагорассудим назначить»… «для дел криминальных, гражданских и тяжбенных»… «сыскного начальства»… «Экспедиции сии, производя дела, приговоры свои на оные должны вносить на утверждение войсковой канцелярии и определенной от Нас в оную доверенной особе и доколе утверждены не будут, исполнять своих положений не долженствуют…» «Доверенная» эта «особа» становилась, по значению, выше атамана, обладала большими полномочиями, а вместе с тем ее взаимоотношения с атаманом не были ясно разграничены. С первых же шагов начались между ними трения, приведшие к тому, что в июле того же года (Грамота была дана 16.2.1801 года) из Петербурга был прислан в Екатеринодар для расследования дел и водворения порядка в Черноморском войске уполномоченный генерал (Дашков) и в результате расследования «доверенная особа» была отрешена от должности, а в феврале 1802 года и сама должность была упразднена.

В «жалованной грамоте» императора Александра I не упоминалось уже о какой-либо «особе», контролирующей войско. В ней подтверждались права Черноморского войска

на «вечное и неотъемлемое владение» пожалованными ему землями со всеми состоящими на земле угодьями, «на водах же с рыбными ловлями», а также и другие права войска материального порядка, но никакого намека на автономные права в войсковом управлении в грамоте нет, сказано просто: «Войско Черноморское получает от нас повеление через военное начальство, как об устройстве оного, так и о нарядах на службу, которые обязано пополнять с точностью и поспешностью…», «по делам войсковым должно оно (войско) зависеть от инспектора крымской инспекции, а по части гражданской состоять в ведомстве таврического губернского начальства».

В дальнейшем вся первая половина XIX века для казаков Черноморского войска прошла в большом военном напряжении. Уже по указу 13 ноября 1802 года они должны были выставлять 10 конных и 10 пеших полков. Кордонная боевая служба тоже требовала большого напряжения. Смертность от болезней и военных потерь катастрофически уменьшала общее количество войскового населения. Естественный прирост его не давал нужных пополнений. Установилось обыкновение со стороны войскового правительства просить о пополнении в порядке переселения с украинских губерний. В период 1809–1811 годов в Черноморию было переселено из Полтавской и Черниговской губерний 41 534 человек, из коих мужчин 22 205. В 1821–1825 годах из тех же губерний еще 48 627 человек, из них 25 627 мужчин. Но в

Турецкую войну 1828–1829 годов были мобилизованы даже престарелые казаки. В результате в куренных селениях остались только женщины и дети. В 1848–1849 годах на пополнение Черноморского войска было произведено новое переселение, недостаточное по моменту, всего 14 227 душ, из них мужчин – 7767, тоже с Украины, из губерний Харьковской. Черниговской и Полтавской.

Во время Крымской кампании от черноморцев в Севастопольской обороне принимали участие два пластунских батальона, покрывших себя славой в боях на 4-м бастионе, и еще сводный конный полк.

Таким образом, всегда в военном напряжении до предела, с большими потерями в людях, при отсутствии времени заняться благоустройством семейно-хозяйственной жизни, прошли для черноморцев годы конца XVIII и первой половины XIX веков.

В то время как черноморцы, начиная с 1793–1794 годов, стали «держать кордонную линию» по нижнему течению реки Кубани до устья реки Лабы, для охраны границы вверх по Кубани были предназначены распоряжением Екатерины II, согласно проекту Главного кавказского командования (графа Гудовича), шесть донских полков, которые, однако, не сразу выполнили распоряжение о переселении. Но уже в 1794 году от Донского войска на верховье Кубани было послано 1000 семейств, к ним были присоединены еще 125

семейств из бывшего Волжского казачьего войска. Бытописатель того времени генерал В. Гр. Толстой так рассказывает об этом зачине образования старой линии[2]:

«Достигнув речки Калалы… казаки бросили жребий – кому и куда идти, – и затем группами направились на назначенные места и осели в станицах: Воровсколесской, близ реки Курсавки, – Темнолесской, в 25 верстах от Ставрополя к югу, – Прочноокопской, на правом берегу р. Кубани, – Григориполисской, в 26 верстах вниз по Кубани, – в Кавказской, тоже вниз по Кубани, в 38 верстах от предыдущей, и в Усть-Лабинской, близ крепости того же имени, в 80 верстах от Кавказской, – всего на протяжении около 300 верст вдоль границы…» Переселенцам при этом выдавалось пособие «по 20 руб. серебром на каждый двор и годовой отмер провианта (муки и крупы) на каждого члена семьи. Кроме того выдано на каждую станицу по 500 руб. на постройку церквей». Тогда же казакам линейцам был определен и земельный надел на каждого по 30 десятин, а старшинам по 60 десятин. Полковая земля простиралась лентою вдоль границы, шириною до 20 верст, со всеми находящимися на ней земельными, водными и лесными угодьями… К зиме эти переселенцы окончательно устроились, а с началом 1795 года из них был сформирован Кубанский конный полк в числе

---

[2] *Толстой, генерал.* Краткая метрическая памятка // Кубанский Сборник. Нью-Йорк, б. г. Вып. 4. С. 6–7. (Далее сноски на это издание даются в тексте. – *Примеч. ред.)*

18 старшин и 550 человек пятидесятников (урядников) и казаков. Этот пятисотенный полк уже 5 марта, как доносило кавказское начальство в Военную коллегию, – заступил на полевую службу по охране кубанской границы, связавши собой сторожевые участки: с запада с Черноморским войском и на востоке с участком Хоперского полка, поселенного близ Ставрополя в 1777 году.

Широкие промежутки между кубанскими станицами не могли, однако, способствовать прочному прикрытию границы, а поэтому когда в 1802 году на Кубань пришли «екатеринославские казаки», то они были поселены в указанных промежутках и образовали станицы Темижбекскую, Казанскую, Тифлисскую и Ладожскую – все вместе составлявшие Кавказский полк. (Для удобства командования и несения пограничной службы станица Усть-Лабинская была перечислена из Кубанского полка в Кавказский, а станицу Темижбекскую перевели в Кубанский полк.)

В 1833 году было отчислено от Ставропольской губернии 31 село. К Кубанскому полку отошли отсюда селения Ново-Александровское, Расшеватское, Успенское, Ново-Покровское, Новотроицкое, Каменнобродское и Дмитриевское. Селения эти образовались в период 1785–1825 годов из переселенцев из России, из числа казенных крестьян и отставных солдат Кавказской армии и разных «вольных людей», которые поселились в тылу казачьих станиц, в полосе черкесских набегов, и давно усвоили казацкие порядки, а

потому перевод их в казачье линейное войско казался естественным.

В 1825–1827 годах на Кубань быт переселен Хоперский полк, получивший свое начало от выходцев с Запорожья и Дона, осевших на реке Хопре, но оттуда разогнанных за участие в Булавинском бунте, и через 6 лет вновь собранных. В 1778–1779 годах они были переселены на Кавказскую линию в район Ставрополя, а оттуда переселились на Кубань и образовали станицы Баталпашинскую, Белочечегскую, Невинномысскую, Барсуковскую, и на реке Куме – станицы Бекещевскую и Суворовскую.

На Кавказской линии казаки сначала жили отдельными полками, которые непосредственно подчинились общему командованию этих линий. Станицы их селились около укреплений. Жизнь этих станиц была более тревожной, «но зато, – отмечается в старой хронике, – состоя на службе, казак мог заниматься своим хозяйством, оно у линейцев быстрее налаживалось, и обычно линеец жил зажиточнее черноморца». Вообще же жизнь в этих полках протекала, как и на Черномории, в беспрерывной борьбе с горцами. Но у черноморцев в данном отношении всегда оставалось свое преимущество: они действовали как отдельное казачье войско, имея свою конницу, пехоту и артиллерию и находились под командой своих атаманов.

Поселившись на Кубани, казаки (и черноморцы и линейцы) стали с первых же дней непосредственно лицом к лицу

с воинственными закубанскнми горцами.

«Из них абадзехи, беслинеи, темиргои, махоши были самыми многочисленными и воинственными для казаков противниками по неукротимому стремлению к разбою, грабежу, всякому злодеянию и насилию. В своих отважных беспрерывных набегах на Линию, черкессы крупными и мелкими партиями, а то и в одиночку, проникали далеко вглубь пограничных станиц и селений, поджигали жилища, грабили имущество, угоняли рогатый скот и лошадей и уводили в плен жителей, чтобы продать их в рабство или у себя закабалить на вечное рабство». *(Там же.)*

Упомянутый уже выше В. Гр. Толстой свидетельствует, что «в своих горных областях и на лесных равнинах черкесы занимались скотоводством и коневодством, немного пахали и сеяли кукурузу и просо, но все это в таком масштабе, что не обеспечивало их жизненные нужды». Черкесы говорили: «Война и военная добыча наше ремесло, как у русских хлебопашество и торговля, и если мы прекратим это ремесло, то должны будем погибнуть от нужды и голода». *(Там же.)*

Создалась жизнь на Линии, когда «день и ночь казаки зорко и бдительно несли сторожевую службу то на постах, то в резервах, то в разъездах и секретах, то в кровопролитных схватках, то в обороне под натиском врага…» По пословице «с волками жить, по волчьи выть», кубанцы уже в 20-х годах XIX века, присмотревшись к правам и обычаям своих воинственных соседей, переняли от горцев одежду, вооружение и

некоторые боевые приемы и уже, в свою очередь, «задавали абазехам кровавые уроки». И не только мужская половина населения Линии и Черноморья была втянута в тяжелую порубежную жизнь казаков, но и женщина-казачка; у нее была очень тяжелая доля. «Она покоила стариков, выращивала и воспитывала детей, пахала и сеяла, вела полевое и домашнее хозяйство, имея в подростках единственных помощников в трудах и единственное утещение…» «Только темные ночи знали, сколько вздохов, слез и скорби стоили казачке эти подчас непосильные труды и заботы».

«Изредка, и то не надолго, удавалось самому казаку вырваться на побывку домой, чтобы посмотреть свое хозяйство, приласкать детей, посоветоваться с женой. Когда кровавая война разлучала мужа с женой навеки, казачка с удвоенной силой должна была войти в свое хозяйство и держать семью, пока не подрастали сыновья, предмет тревоги материнского сердца… А в 20 лет и они, молодые казаки, садились из коня и шли на пожизненную службу». *(Там же.* С. 10–11.)

А вот образец песни-флирта того времени, она сохранилась по записи покойного Ф. А. Щербины, почтенного историка Кубани и Кубанского войска:

Как молодец девку исподманывал,
Исподманывал, подговаривал:
Ты пойдем, девка,
К нам на линию жить!

У нас да на линии
Что Курджуп да река
Вином потекла,
А река Лаба
Медом потекла.
По горам-то у нас, по горам
Лежат камушки драгоценные,
Драгоценные, неоцененные.
<…>
Уж ты, молодец, девку не подманивай,
Я сама там была,
И сама-то видела,
Про все слышала.
Что Курджуп да река
Кровью потекла,
А река-то Лаба —
Горючей слезой…
По горам-то, по горам
Лежат головы,
Все казацкие, молодецкие…

Некоторые авторы-кавказцы в своих работах о прошлом времени освоения Кавказа русскими стремятся сгустить краски, чтобы показать жестокость русских «завоевателей». Разное было и разное случалось. Те горские племена, те жители горских аулов и других кавказских поселений, которые оказывали склонность перейти на мирное положение, те получали возможность поселения в плоскостной откры-

той местности, но в отношении тех горцев, которые считали, как выше было отмечено, «войну и военную добычу своим ремеслом», в отношении тех ответные меры не могли не быть достаточно суровыми. В борьбе России и Турции за утверждение каждою своей власти на Кавказе (и одновременно для России велась борьба за обладание «теплыми морями») значительная часть черкесских народов, наиболее воинственная, стала на сторону Турции, и около 500 000 душ их эмигрировали в Турцию[3].

В 1860 году было образовано Кубанское войско. В него вошло Черноморское войско и вместе с ним вошли шесть бригад Кавказского линейного войска. (Из остальных 4-х бригад Кавказского линейного войска было образовано Терское войско.) Одновременно с этим была произведена и гражданская реорганизация казачьих войск. Поскольку до того в организации Черноморского войска сохранялся элемент особенности, некоторого вида автономности, теперь в гражданском отношении была произведена определенная доля нивелировки «гражданской» жизни казаков. Образовались Кубанская и Терская области, производилось в административном отношении сближение с обычным для того времени губернским режимом.

Численность Кубанского войска в том 1860 году после объединения не превышала 160 000 душ. Но, несмотря на сравнительную незначительность этого числа, войско по-

[3] На 1 января 1915 года в России горцев числилось 133 000 душ.

ставляло на службу (всегда для того времени – военнодействующую) 22 конных полка, 13 пеших батальонов, 5 батарей и еще гвардейский дивизион. В «Кубанском Сборнике» отмечается: «Первые четыре года существования Кубанского войска прошли в напряженной борьбе с горцами и в заселении Закубанья и побережья Черного моря».

Рескриптом на имя Евдокимова император Александр II24 июня 1861 года приказал сообщить Кубанскому войску, что за постоянное доблестное его служение ему «предоставляются в пользование земли в предгорьях Западного Кавказского хребта…» Примечательно здесь то, что самый рескрипт был дан за три года до того времени, когда земли эти оказались свободными от ушедших в Турцию горских племен. Всего в пользование Кубанского войска, дополнительно к прежде занятым им землям, присоединялось 3 миллиона десятин земли. На ней предполагалось поселить в течение 6 лет 17 000 семейств из войска Кубанского, Азовского и Донского, а также государственных крестьян и нижних чинов

Кавказской армии. Допускались переселенцы из Терского, Новороссийского и Уральского войск. Эти новые поселенцы образовали в Закубанье 96 новых станиц. Из новых поселенцев этих станиц были сформированы 7 конных полков и один (Шапсугский) батальон. Но потом произошло изменение: «в 1869 году было изъято из состава Кубанской области Черноморское побережье. Казакам, поселившимся здесь, было предложено или перейти на крестьянское поло-

жение, или – при несогласии на это – выселиться в пределы Кубанской области», а «12 организованных там станиц были обращены в села, Шапсугский батальон был расформирован». *(Там же.* С. 15.) Исторический соблазн выявился здесь в том, что воевали с турками и с горскими племенами преимущественно кубанские казаки и части других казачьих войск, а когда дело дошло до образования здесь «ривьеры», казакам было предложено удалиться… Стали строить дачи и виллы на Черноморском побережье или представители денежной буржуазии, или люди из так называемого «высшего общества».

До этого войсковая служба отправлялась преимущественно. Там же, где жили казаки, а с замирением «Западного Кавказа» первоочередные части (военные) Кубанского войска были отправляемы в Закавказье и в Закаспийскую область, чтобы там оберегать границы Государства Российского. В случае же европейской войны туда могли быть посланы «льготные» части, а для быстроты их готовности… были учреждены кадры второочередных полков… «В дальнейшем количество кубанских войсковых частей увеличилось… В период с 1887 по 1900 годы увеличено число пластунских батальонов в мирное время на бив военное на 18…» «Говоря же вообще о военной службе Кубанского войска, надо отметить, что оно принимало участие во всех войнах России, в обеих экспедициях в Закаспийской области, в Турецкой

войне 1877–1878 годов, в Русско-японской войне и в Первой Мировой войне, когда Кубанское войско дало максимум напряжения и, как то видно из отчетов штаба Походного атамана всех казачьих войск, все людские запасы Кубанского войска были исчерпаны». *(Там же.* С. 15.)

Отбывание военной службы для первоочередных кубанских частей в трущобных местах пограничного с Турцией и с Персией Закавказья или в пустынях Закаспия было большим испытанием и для молодых казаков и молодого офицерства. Выход последних в офицеры Генерального штаба и на другую службу повышенной квалификации в процентном отношении по сравнению с другими войсками (даже с такими сравнительно малыми, как Терское и Оренбургское) был значительно ниже. Почему эта суровая доля была предопределена для кубанцев, а не разделена между другими братскими войсками, судить трудно.

Ой, Боже наш, Боже милостивій
Уродились ми в світі нещасливі…
Служили вірно в полі и на морі
Да-й засталися убогі, босі и голі…

Это четверостишие из песни старого А. А. Головатого сближает долю пращуров с потомками – от славного Запорожья до наших дней.

В 1860 году было образовано Кубанское войско, а в от-

ношении гражданском – Кубанская область. Первым наказным атаманом был генерал Иванов 13-й, назначенный в августе 1861 года. До этого обязанности атамана исполнял Кусаков 1-й… Имена, к слову сказать, как на подбор, псевдоказачьи…

Через недолгий промежуток времени установится обыкновение со стороны центральной государственной власти назначать кубанским атаманом непременно генерала – не казака-кубанца… Исключение было сделано лишь для последнего атамана – М. П. Бабыча.

При 11 первоочередных конных полках, при семи пластунских батальонах и при 4 батареях Кубань до 1917 года так и не дождалась открытия у себя нормального военного училища, даже больше того, – Ставропольская юнкерская школа, в которой получали военное образование почти исключительно кубанские казаки, была закрыта. Кубанцы должны были ездить в Оренбург, Елисаветград, Тифлис, Чугуев и др. места для поступления в военное училище. Донцы имели свой кадетский корпус. Для кубанских детей, преимущественно на кубанские деньги, был открыт корпус во Владикавказе и еще при такой особенности: определение кадетов на кубанские стипендии зависело от усмотрения наместника на Кавказе.

Земледельческая Кубань до революции не имела своей даже средней сельскохозяйственной школы.

Та же тенденция центральной государственной власти на-

блюдалась и в других областях общественного устроения, даже в церковном, в деле устройства суда и пр. В российских губерниях с православным населением в один-полтора миллиона учреждалась самостоятельная епархия, а Кубань при ее свыше двух миллионов православных людей лишь незадолго до революции получила «викарного» архиерея. На Дону суд был организован с законным установлением, чтобы половина судей была из донских казаков, к Кубани такой порядок не относился. Донские мировые судьи поступали в должность по выбору участкового населения, на Кубани они просто назначались… На Кубани не было своей Контрольной палаты. Кубань должна была отчитываться перед Ставропольской контрольной палатой.

Представители высшей центральной власти не хотели забыть некоторых вольнолюбивых движений старого Запорожья и в отношении его наследователей – кубанских казаков – никак не могли отделаться от старых приемов установления государственного единства: «держать и не пускать». Главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский в 1861 году писал военному министру: «В бывшем Черноморском войске, хранящем предания Запорожской сечи… отдельность принимает вид национальности… Слияние бывшего Черноморского войска с Кавказским может действовать против этого особенно вредного в настоящее время начала, но необходимо, чтобы слияние эго было не только ад-

министративным, а проникало и в самый быт казаков»[4].

Внедрение в быт кубанских казаков объединения «без поблажек» считалось, по-видимому, наиболее действенным средством приручения их к общероссийскому началу. (В настоящей моей книге воспоминаний попутно с основной ее темой я рассказываю, как сказывалась эта неполная степень черноморского-линейского единства в судные годы бытия Кубани.)

С 1860 года до крушения старой России прошло 57 лет – срок короткий для судеб народов.

---

[4] *Венюков М. И.* К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 гг. // Русская старина. СПб., 1878. Кн. VI.

Материальные достижения

Здесь считаю уместным кратко отметить, чего достигли совместными усилиями кубанцы за этот короткий срок.

При 433 000 зарегистрированных хозяйств в пятилетие 1911–1915 годов было собираемо ежегодно свыше 222 000 000 пудов зерновых продуктов, 23 000 000 пудов масляного подсолнуха, свыше 2 000 000 пудов табаку, преимущественно турецкого, свыше 20 000 000 пудов овощных и бахчевых продуктов и не в малом количестве продукция других отраслей хозяйства: виноградарства, садоводства, пчеловодства и пр.

Поголовья скота на сто душ населения приходилось лошадей – 35, рогатого скота – 53, овец – 73, свиней – 20; всего – 181 голов, а в Европейской России было: лошадей – 21, рогатого скота – 31, овец – 37, свиней – 10, – всего 99 голов, т. е. на Кубани поголовье скота на сто душ населения превосходило поголовье в Европейской России без малого наполовину.

По оснащенности хозяйств сельскохозяйственными машинами Кубань занимала первое место в России: по данным статистического сборника профессора Орановского, в 1910 году сеялок на Кубани было 37 000, косилок – 74 000, молотилок – 3700, тогда как в 6 российских центральных земледельческих губерниях и в 6 средневолжских губерниях вме-

сте сеялок насчитывалось 35 400, косилок – 48 700, молотилок – 2700.

Ежегодный вывоз зерновых продуктов за пределы края в среднем за пятилетие 1911–1915 годов достигал 100 000 000 пудов[5].

Продуктов скотоводства Кубань вывозила: шерсти в пятилетие 1909–1914 годов ежегодно – 230 000 пудов, смушки – 32 600 пудов, мяса и сала на сумму – 1 500 000 руб., шкурсырца – 56 200 пудов[6]. Культура подсолнечника и связанная с ним масловая, сатомасная и поташная промышленность занимали в хозяйственном краевом обороте важное место. В 1914 году было выработано 6 053 000 пудов масла и было вывезено 4 368 000 пудов масла и 5 000 000 пудов макухи (5 000 000 пудов макухи было потреблено на Кубани). Действовали два саломасных завода с ежегодной продукцией в 1 350 000 пудов саломаса. Вывоз его за границу составлял 99 % всего российского вывоза. В 1914 году поташа добыто 2 370 000 пудов и выработано 2 000 000 пудов мыла.

Функционировало 10 алебастровых заводов и 3 цементных с продукцией до 10 000 000 пудов.

В 1914 году функционировало 7994 разных промышленных предприятий, в которых работало 21 168 рабочих при

---

[5] С осоветчинной Кубани 100 000 000 пудов зерновых продуктов было вывезено лишь в 1957 году. Таков факт сорокалетнего регресса кубанского земледелия под советским режимом.

[6] *ИвасюкИ.* Кубань. Прага, 1925

ежегодном обороте 36 484 881 руб.

В том же году торговлею было занято 19 402 душ, из них казаков – 2251 человек[7].

Ведущую роль в развитии самодеятельности и хозяйственной активности играла на Кубани краевая свободная кооперация, обеспечивавшая индивидуальные и мелкоартельные хозяйства доступным кредитом, умело организованным и доступным прокатом машин, умелой пропагандой прогрессивных способов хозяйствования.

На 1 января 1919 года на Кубани было 218 кредитных товариществ и 88 обществ взаимного кредита, объединенных в два союза. Какого размаха достигала деятельность кредитной кооперации, показывает пример роста одного из этих союзных объединений – Кубанского кооперативного банка. В 1913 году оборот его выразился в сумме 313 000 руб., а в 1917 году – 30 253 000 руб.

Проявилось уже совсем редкое кооперирование активных краевых сил в железнодорожном строительстве; общества станиц и хуторов образовали три акционерных товарищества и, таким образом, обеспечили деньгами от реализации акций постройку трех железнодорожных ветвей: Армавир-Туапсинской, Черноморско-Кубанской и Ейской с тремя оборудованными для них морскими портами Туапсе, Ахтари, Ейск; по мере развития дела ветви удлинялись.

---

[7] *ИвасюкИ.* Кубань. Прага, 1925.

Народное просвещение

По вопросу о развитии школьного народного образования данные 1-й всероссийской школьной переписи 1911 года дали показания особенно благоприятные в пользу Кубани. По проценту учащихся в школах детей к общему числу детей школьного возраста в губерниях, областях и городах Кубань несколько превосходила передовую из российских губерний – Вятскую, а по сумме годового расхода на одного учащегося в школе достигала уровня города Москвы, и это при повышенности московских цен на все оборудование и содержание школ и при дешевизне их на Кубани.

О народном образовании на Кубани перед захватом края большевиками привожу данные, помещенные в «Кубанском Сборнике» издания и редакции В. Гр. Науменко (Orangeburg, N.Y. USA). Цифры взяты из отчета Кубанского краевого правительства на 1 января 1919 года.

1. Начальных школ было в городах и др. населенных пунктах – 1391, в них училось детей обоего пола – 138 228; учащих же обоего пола – 3925.

2. Высших начальных школ на 1 января 1918 года – 180, в них училось 15 778 детей, учащих было – 1055.

3. Средних учебных заведений (на 1 сентября 1919 года) – 151, учащих в них – 1510. (Числа учащихся не показано.)

4. Профессиональные школы (на 1 апреля 1919 года): чис-

ло учащих в них – 409. Число школ – 124. В 1919 году был открыт учительский институт при 42 учащихся и 11 учащих

5. Высшие учебные заведения: Кубанский политехнический институт. В нем – 5 факультетов: экономический, инженерно-строительный, электромеханический, химический и сельскохозяйственный. На 1 декабря в нем числилось студентов – 2665, профессоров – 30, доцентов – 7 и 28 ассистентов.

Музыкальные школы: в декабре 1919 года существовали 2 консерватории – Филармонического общества и Русского музыкального общества.

Вступление

Февральскую революцию 1917 года я встретил в Москве.

После первых двух недель революционного возбуждения большого города как-то само собой явилось желание выйти из общего потока и уехать к себе на юг в станицу.

Потянуло к родным берегам.

Длинной лентой больше чем на десять верст вытянулась станица по берегу реки, – просторные дворы, широкие улицы, большие площади.

Волна митингов, оказывается, докатилась и сюда. В праздничные дни, после церковной службы, на площади устанавливались на козлах подмостки и заезжие ораторы «разъясняли» собравшимся случившееся.

Из местных людей пока никто не решался «взбираться на бочку» – еще стеснялись

Станичный почтарь потихоньку поскуливал и с сокрушением жаловался в тесном кругу на неумеренный разгон лошадей:

– Сколько этого «орателя» пошло, – уму непостижимо! И каждый с предписанием на пароконку.

Сама станица жила в большей степени еще интересами войны, была полна разговорами о ее героях казаках и своих станичных солдатах.

Впрочем, все революционные и военные волнения не были в состоянии нарушить ту предпасхальную сосредоточенность, которою обычно жила станица в последние две недели Великого поста. Дома «чепурились» хозяйки: примазывали и прибеливали хаты. В степи – пахота, весенний сев. На выгонах скот еще не ходит большими табунами и овец не согнали в отары, но небольшими гуртами уже водили их мальчишки-пастушки от одного зеленою пригорка к другому. Временами звучали их пищики. В ложбинках белел нерастаявший снег.

Протяжным великопостным звоном звучали церковные колокола.

Книга первая

Глава I

От комиссара Временного правительства, члена Государственной думы от казаков К. Л. Бардижа пришло предложение произвести выборы уполномоченных на Общеобластной съезд по одному от пяти тысяч жителей казаков и иногородних. Дата выборов определялась – 13 апреля, – сколько помнится, на второй день Пасхи. Съезд должен был состояться в Екатеринодаре 22 апреля. Обе даты по новому стилю.

В праздничный день после полудня всю обширную площадь «Старой», главной в станице церкви запрудил народ. Добрую половину избирателей составляли женщины, разряженные по-праздничному… Казачки и солдатки за время войны привыкли ходить в станичное правление за военным «способием» (установленным пайком).

В центре добротно устроены подмостки, на них – стол, покрытый красным сукном, чернильница, листы бумаги, карандаши.

Как будто нехотя с миной озабоченности и недоумения поднялся на «трибуну» станичный атаман. К большому моему удивлению, это был знакомый еще по годам моего мальчишеского хождения в станичную школу атаман из вахмист-

ров одной из кубанских казачьих батарей. Несколько больше побагровел орлиный нос Трофима Андреевича, не по нем роль атамана революционного времени. Но молодежь на фронте. Выборными на станичный сбор ходили старики. Они и извлекли из тьмы забвения своего молодецкого когда-то батарейца.

Не без запинки «вычитал» атаман распоряжение комиссара о выборах уполномоченных – «всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием» – и предложил прежде всего избрать председателя и секретаря собрания, обнаруживая явное стремление самому отойти на второй план. Но «народ» пожелал именно его видеть на месте председателя, а секретарем С. И. Щ-ва, из молодых учителей, когда-то я его подготовлял ко вступительным экзаменам в учительскую семинарию.

Последовал довольно длительный период неразберихи и споров, как произвести «тайное» голосование. Процедура писания записок никому не улыбалась, а катать шары – где их столько набрать? «Всеобщее, равное, прямое» поперваначалу как будто сомнений и споров не вызывало, – голосуют все собравшиеся станичники, каждый за себя и только по одному голосу. Но как это сделать тайно при открытой огромной площади, заполненной народом? От кого беречься?

Порешили: названный кандидат отвернется липом к церкви и не всех увидит, кто голосует против него. Между трибуной и церковной оградой было наименьшее пространство,

голосующие могли потесниться в стороны.

Но как только приступили к подсчету голосующих за первого названного кандидата, тут все и поняли, что главное затруднение совсем не в том, куда «отвернуться». Подсчет длительный, наскоро с трибуны его не произвести, а нетерпеливые избиратели, особенно избирательницы, беспрестанно перемещаются от одной группы людей к другой, где показался кто-либо из добрых знакомых. Трофим Андреевич начал явно терять голову. Пришлось мне выступить с предложением разбиться всем собравшимся на секторы, между последними установить достаточно широкие промежутки, со строгим обязательством для избирателей не переступать эти промежутки во время подсчета. Для обеспечения порядка выделить, прежде всего, приставов-добровольцев для наблюдения за этим, а также достаточное количество счетчиков. Добровольцы на эти должности сейчас же нашлись, пристава вооружились хворостинами, дело наладилось. Атаман повеселел.

– Скажи на милость, – какая простая механика…

От станицы в 20 000 душ населения, приблизительно поровну казаков и иногородних (не казаков), надлежало избирать двух депутатов казаков и столько же иногородних.

По некоторым причинам (главным образом вследствие длительной и серьезной болезни), я немало лет в станице совсем не показывался, но тут неожиданно для себя был избран подавляющим числом голосов. В товарищи мне от ка-

заков был избран привыкший «ходить» от станицы «депутатом» в областной центр по разным поручениям Ф. А. К-в. От иногородних были избраны: один по профессии – кузнец, другой – мирошник водяной мельницы.

Никакого «Наказа» нам избиратели не дали. Солнце уже склонилось к западу. Ограничились общей директивой:

– Смотрите там, как лучше…

Трофим Андреевич, атаман, сверх меры довольный, что снята с его плеч вдруг накатившаяся новая обуза, уже в порядке личной беседы попросил похлопотать, где следует, о возврате неправильно и излишне отрезанной от нашего станичного юртового земельного запаса в пользу одной из нагорных станиц довольно значительной площади юртовой пахотной земли.

В 1905 году произошел бунт 2-го Урупского полка, комплектовавшегося из казаков, именно нагорных станиц, бедных «удобной» для хлебопашества землей. Задуманные, было, областной администрацией репрессивные меры в отношении бунтовщиков не удались: казаки на казаков с пушками не пошли. Тогда администрация прибегла к давно забытому средству: была собрана в Екатеринодаре в 1906 году Войсковая рада для полюбовного размежевания юртовых земель, чтобы плоскостные станции уступили бы нагорным часть своей удобной для хлебопашества земли в обмен на соответствующие по стоимости лесные угодья горной полосы[8].

---

[8] За одну десятину пахотной земли – 3 десятины лесных угодий. *(.Щербин Ф.*

Решение по идее правильное, но практически оказавшееся сопряженным с неудобствами переселений, сезонных передвижений по дальним расстояниям и т. д.

Для общества нашей станицы горечь обиды такого решения усиливалась тем, что незадолго до этого передела, в конце прошлого XIX века, по распоряжению Центрального кавказского межевого управления[9] была отрезана значительная площадь нашей юртовой земли, якобы оказавшейся «излишком» в отношении установленной нормы для наделения землею казаков.

Этим отрезанным участком станичной юртовой земли был тогда же награжден один выслужившийся тифлисский чиновник из инородцев. Уже на раде 1906 года наши депутаты во главе с теперешним моим товарищем по представительству Ф. А. К-м сделали решительное заявление, что именно этот участок земли надлежит отобрать от неведомо откуда появившегося чинуши и отдать горнякам, а новой урезки у нас нельзя было делать.

Станичный сбор поддержал своих депутатов. Областная администрация объявила это «бунтом». Наказный атаман приезжал тогда в станицу, грозил загнать «зачинщиков бунта» туда, «куда Макар телят не гонял» и пр.

О восстановлении именно этой попранной тогда справед-

В. Казачество. С. 360).

[9] Во главе Тифлисского межевого управления тогда стоял некий чиновник Нардэга, стяжавший плохую репутацию.

ливости и попросил теперь меня, вновь избранного депутата, старый атаман.

У станичников вопросы политики неизбежно сводились к земле, и это не только у казаков, но и у другой половины станичного населения. На другой день по моем избрании, вечером ко мне пришел старым знакомый И. В. В-ко, по прозванию «Ноздря Рваная» по причине дефекта одной его ноздри. Потолковав для начала о том, о сем, он перешел к тому же больному земельному вопросу, как я смотрю на дело земельного довольствия не казаков – иногородних. Сам клятвенно меня заверил, что на казачьи юртовые земли иногородние совсем не зарятся, ибо понимают, что казаки, когда пооблегчатся от военной службы, вернутся работниками в свои хозяйства, то им самим еле хватит земли для обработки. Но в отношении крупных частновладельческих участков, общая земельная площадь которых неизменно преувеличивалась, И. В. В-ко держался того мнения, что эта земля должна быть распределена между старожилами иногородними.

Ушел он от меня тогда, как мне показалось, удовлетворенный нашей беседой[10].

---

[10] Я хорошо знал этого И. В. (Ноздрю Рваную). Очень милый человек. Его физический изъян забывался при наличии замечательной способности вовремя подпустить соль хохлацкого юмора, его таинственно- благолепное пение на церковном клиросе, а при случае и в застольном небольшом подпитии, чистый почерк его рукописания. Прекрасно вел свое земледельческое хозяйство. Вырастил и хорошо воспитал трех сыновей – хлеборобов. Ко мне тогда пришел по старому знакомству и, вероятно, по обшей просьбе соседей иногородних…Позже, когда развернулись события Гражданской войны, он погиб. Произошло это в период

В эти же дни я съездил в г. Армавир, торгово-промышленный и административный центр нашего Лабинского отдела, и познакомился с его атаманом, тогда полковником А. П. Филимоновым, впоследствии нашим первым, после революции, выборным войсковым атаманом.

В молодости офицер-кавалерист, окончивший затем военно-юридическую академию, военный юрист (не уклонившийся в свое время от обязанности «казенного» защитника Марии Спиридоновой, а также и казаков-артиллеристов Кубанской батареи, отказавшихся выполнить боевой приказ в связи с усмирением Урупского полка). На посту атамана отдела он стяжал славу незаурядного администратора. Но у меня при свидании получилось не особенно благоприятное от него впечатление. По возрасту он годился мне в отцы. Не поинтересовавшись моим взглядом на создавшуюся революционную обстановку, он с первого слова принялся меня как бы наставлять, каким путем следовало идти казачьим представителям. От беседы с ним у меня осталось впечатление, что сам он не усвоил, какой размах принимала революция. На областной съезд, на который он тоже должен был ехать, он смотрел скорее лишь как на оздоровляющую демонстрацию казачьих чувств по отношению ее остальной части населения области.

быстротекущей смены в станице властей.– Сам, – рассказывают, – и пришел на площадь, где творилась расправа. Встречные казаки предупреждали, говорили: – Куда ты идешь? Не ходи!– Как же!… Значит, надо идти, – раз требуют…

Глава II

В Екатеринодаре мы, уполномоченные представители Кубани, встретились с любопытным напластованием областных властей за сравнительно короткий срок революции.

Последним старорежимным начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска был генерал-лейтенант М. П. Бабич.

Старая всероссийская власть, отменив институт выборных войсковых атаманов – былое казачье обыкновение, – стала назначать в течение последующих десятилетий не войсковых, а наказных атаманов и, как правило, не из казаков, а вообще из общероссийских генералов. Для Бабича, природного кубанского казака, было сделано исключение во время волнений 1905 года, он, в должности военного генерал-губернатора Карской области, показал себя «решительным администратором» и тем снискал себе доверие верховной власти.

Талантливый фельетонист А. Яблоновский обмолвился тогда в отделе «Родные картинки» столичного толстого журнала «Образование» остроумным сравнением: «назначить генерал Бабича управлять Кубанью в наши дни все равно, что послать разъяренного быка в летний жаркий день в посудный магазин мух выгонять».

Однако те, кто ближе знал М П. Бабича в семейном быту,

рассказывает, что он был довольно мирный старик, любивший потолковать о казачьей старине, полакомиться простонародной ягодой – тугой и т. и.

За время длительного правления Кубанью у кубанского казака Бабича не установилось связи с подначальными ему земляками, и как только в Екатеринодар пришли вести о коренной перемене в Петрограде, он оставил дворец кубанского атамана и отправился искать укрытия на группу Кавказских Минеральных Вод[11].

Исполнять обязанности начальника области после Бабича стал старший советник областного правления, а по должности наказного атамана Бабича заменил начальник войскового штаба, при первом из этих заместителей осталось действующим областное правление со всем штатом своих чиновников, а при втором – Управление войскового штаба со штатом штабных офицеров, делопроизводителей и пр., но их проявление власти было самым скромным и осторожным.

Местная революционная демократия косым взглядом взглянула на эти «старые притоны реакции», но К. Л. Бардиж – комиссар – все же понимал, что без налаженного административного аппарата нельзя обходиться при управлении областью. Чиновников пока что терпели.

Сама революционная демократия натворила немало своих новых «притонов» власти, говорливых, шумливых, со

---

[11] В 1918 году 18 октября генерал Бабич был казнен большевиками в Пятигорске вместе с генералами Рузским, Радко-Дмитриевым и др.

многими благими порывами, но с малыми способностями к практическому администрированию.

Возник Екатеринодарский городской революционный совет, объединивший активную интеллигенцию – городскую думу и городские революционные организации. Этот городской революционный совет выделил из себя ряд лиц, которым поручил путем кооптации образовать Областной исполнительный комитет.

Отмеченные самотеком возникавшие революционные советы и комитет, а при них неизбежные уполномоченные, претендовавшие на право распоряжения в области, составили второй пласт властей ко времени нашего прибытия в Екатеринодар.

Всероссийское Временное правительство прислало в область комиссаров, сразу двоих членов Государственной думы – от казаков К. Л. Бардижа и от иногородних Кубани и населения Черноморской губернии Н. Н. Николаева.

Было бы, конечно, благоразумнее прислать только одного комиссара и оказать ему полное доверие…

Комиссары Временного правительства со своими канцеляриями и адъютантами составили третий пласт властей ко времени нашего прибытия в Екатеринодар.

Для К. Л. Бардижа, в прошлом казачьего отставного есаула, десятилетнее сидение в стенах Таврического дворца в качестве депутата не прошло бесследно, кое-что от тамошних государственных размышлений у него осталось. Идея

обратиться теперь же непосредственно к населению области с предложением избрать своих уполномоченных для организации областной власти была правильной идеей: самотек по образованию властей нужно было прекратить. К нашему приезду в Екатеринодар он уже носился с проектом штатов «кубанской народной стражи». С первого дня революции одиозный полицейский «крючок» исчез с городских улиц, но без наблюдателей порядка благоустроенность невозможна. ГГроект народной стражи отвечал на запрос дня, но чего-то Кондратию Лукичу недоставало, чтобы неукоснительно осуществлять свои проекты. Непопулярность в революции кадетской партии, верным членом которой он все время оставался, много ему теперь вредила.

К тому же получили огласку какие-то земельные недоразумения у него с хуторянами-субарендаторами.

Неосторожный жест комиссара с требованием где-то на железнодорожной станции специального паровоза для спешного выезда к месту возникших непорядков дал пищу для газетного шума будто бы о «возврате произвола» Бабича и т. д.

Комиссар Н. Н. Николаев, тоже кадет по партийной принадлежности, отличался странным свойством множить вокруг себя всяческую сумятицу. А после резких недоразумений и даже конфликтов с местными рабочими организациями он ушел в отставку и на его место всероссийское Вре-

менное правительство[12] позже назначило своим комиссаром доктора Н. С. Долгополова.

[12] Д. Е. Скобцов в издании 1962 года пишет: «Всероссийское Временное правительство», официальное название, принятое в 1918 году, – «Временное Всероссийское правительство». В данном издании название организации приводится в соответствии с правилами современного русского языка. *(Примеч. ред.)*

Глава III

Число съехавшихся в апреле в Екатеринодар уполномоченных достигало до 1000 человек. Кроме избранных от населения – станиц, городов, сел, аулов и пр. – явились представители еще учреждений – старых и новых – отдельских управлений, комитетов, советов и пр.

Явились со своими мандатами уполномоченные воинских частей, преимущественно тыловых, или это были отставшие и, вообще, почему-либо задержавшиеся в отпуску и получившие полномочия «по телеграфу».

В смысле уровня общественной квалификации съезд включил в себя бывших членов Государственной думы, кроме Бартижа с Николаевым, еще Кудрявцева, Морева, Ширского, Долгополова, Щербину и др.

Оказались тут и лица, приобретшие ту или иную известность на административных и общественных постах, как Скидан, Филимонов и др.

В массе были учителя, из них же прапорщики, хорунжие и другие офицеры производства военного времени. Были доктора, ветеринары, фельдшера и пр.

Две-три женщины явились уполномоченными от населенных пунктов.

Основную массу народных уполномоченных составляли, однако, от казаков – хлеборобы, из них много бывших и на-

стоящих станичных и хуторских атаманов.

Многоразличные органы революционной власти не подумали об удобствах размещения многоликого выборного «хозяина земли кубанской». К тому же затянувшаяся война наложила свой отпечаток общего упадка на внешний облик города; многие здания были раньше реквизированы под лазареты, под всякого рода продовольственные, военно-промышленные и другие комитеты.

Для размещения съехавшихся депутатов оставались лишь полуподвальные помещения, да во время пасхальных вакаций свободные школьные здания и т. п. В этих импровизированных общежитиях уполномоченным пришлось уплотняться до последнего предела. О поддержании в них правил внутреннего распорядка не могло быть и речи. По ночам одни собирались засыпать, когда другие просыпались или приходили с запоздалых прогулок. При общем гвалте трудно было сосредоточиться, поразмыслить о подлежащих рассмотрению вопросах.

И под общие заседания съезда был отведен малоудобный кинематографический зал, узкой полосой вытянувшийся от тыловой стороны двора к выходу на Красную улицу.

Комиссии же съезда были принуждены кочевать по городу, выискивая для каждого данного случая свободное помещение.

Рассаживались депутаты и зале заседаний по отделам, т. е. по фракциям чисто географического значения.

Преобладавшее настроение съехавшихся можно было определить как вообще агрессивное в отношении представителей многоразличной исполнительной власти. Всякая попытка (со стороны последних), которую можно было заподозрить в желании «руководить», прерывалась в корне:

– Исполнительная власть да подчинится законодательной…

Жертвой превратностей судьбы оставался на съезде комиссар Временного правительства К. Л. Барлиж. Ему то не давали возможности говорить, то дело доходило до неумеренных оваций: на руках выносили из собрания под крики «ура».

Как правило, наблюдалось, что неумеренная лесть «суверенному народу» только в исключительных случаях вызывала насмешку, вообще же принималась благосклонно. Тон же назидания или какого-либо намека на былые заслуги кого-либо в прошлом не выносился:

– Долой! Довольно…

Немало времени съезд потратил на выслушивание приветствий и на другие неизбежные тогда доказательства «праздника революции».

При наименьших разноречиях прошел вопрос об отношении к войне. Всеми она воспринималась как явление, находящееся вне воли людей, во всяком случае, вне воли этих людей, которые собрались здесь в кинематографе; все желали ее скорейшего окончания, но пораженческих тенденций

не было ни среди казаков, ни среди иногородних. Население исправно несло ее тяготы, съездом была вынесена резолюция о войне «до почетного мира».

Основным для съезда оказывался вопрос об организации временного, но общего самоуправления областью. Все знали, что всероссийское Временное правительство занимается делом созыва всероссийского Учредительного собрания, потом, следовательно, должны прийти обязательные общие директивы, что сейчас нужно здесь в области – в крае – освободиться от многоразличия властей.

Заседания комиссии по самоуправлению превращались чуть ли не в пленум съезда. Прения разворачивались во всю ширь. Ораторы партийные, ораторы от городов и, конечно, от «земли» – казаков и иногородних[13].

В комиссию по самоуправлению был внесен доктором Н. С. Долгополовым особый проект временного положения об «областном самоуправлении» на Кубани. Собственно ничего особенно мудреного он не предложил. Исполнительный орган по его временному положению для области тот же ис-

---

[13] Вдруг кто-то обратил внимание, что в зале заседания комиссии (актовый зал Кубанского войскового реального училища) находится «царский портрет» – портрет царя-освободителя. Тотчас же полились речи о притаившейся контрреволюции. Директор училища, В. В. Скидан, пытается объяснить, что сооружение с царским портретом – капитальное, спешная уборка обезобразит зал. Долго не хотят его понять, клеймят его самого достаточно позорными для того времени кличками, но, в конце концов, большинство приходит к согласию, что портрет нужно убрать, а пока завесить его ширмой; на этом после очень горячей и длительной схватки ораторов революционная совесть собрания успокоилась.

полнительный комитет, законодательный – областной совет, но члены того и другого органа попадают в него не самотеком, а избираются тут же на съезде от вышеотмеченных территориальных групп – отделов (округов) в комитет – по одному казаку и одному иногороднему от каждого отдела, в совет – число избираемых членов было поставлено в зависимость от числа общего населения каждого отдела. Горцы – особая часть населения – избирались особо, своей горской фракцией. Общее число депутатов областного совета определялось что-то около 90 человек.

В проекте предусматривался контакт работы народной выборной власти с представителем в области центральной государственной власти: комиссаром всероссийского Временного правительства.

Проекту нельзя было отказать в некоторой стройности, но его недостатком была, прежде всего, рыхлость исполнительного органа, куда попадали члены не по признаку работоспособности, но по признаку представительства групп. Внесенные затем поправки комиссией еще усилили эту нецелесообразность проекта и превратили и исполнительный комитет как бы в особый вид «верхней палаты», где помимо представителей от съезда должны были заседать еще представители революционных организаций, в первую голову, конечно, Совета рабочих и солдатских депутатов. Чтобы сохранить принцип паритета, казачьей части съезда было предоставлено право послать в областной комитет по одному пред-

ставителю от «отдела», т. е. еще семь представителей. Другими словами, исполнительный орган распухал до размеров обычной тогда «говорильни».

Но основная слабость долгополовского проекта, рассмотренного, в конце концов, в комиссии и проведенного через пленум съезда, не в этой, только что отмеченной рыхлости его правящих органов…

Вообще говоря, казачьи земли – края – были освоены в стародавние времена не в порядке промысла и попечения о них центральной государственной власти (Московского государства), а, по преимуществу, в порядке самостоятельного освоения «дикого поля», попервоначалу небольшими ватагами с доверенными ватажками – атаманами во главе, – разросшимися потом в военно-хозяйственные крупные объединения – казачьи войска: Запорожское, Донское и др. [14]

Кровью многих казачьих поколений эти земли были политы до появления здесь агентов центральной власти Московского государства, которые присылались сюда с неизбежным заданием ущемить, а если можно, придавить.

– Живи, казак, пока Москва не знает, Москва узнает, – плохо будет, – вот какая поговорка становилась житейским правилом в казачьих кругах, хотя и сознавалась взаимная обоюдная выгода от наличия за казачьей спиной такого од-

---

[14] Жизнь была та же, как в старом «Слове»… «А мои те куряне сведоми къмети: под трубами повити, под шеломи възлелеяиы, конец копия въекръмлени, пути им ведоми, яругы им знаеми…» и т. д.

ноязычного и единоверного государственного массива, как Москва.

– Здравствуй, русский царь, в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону…

На Кубани, занятой попервоначалу черноморскими казаками (бывшими запорожцами), массовый наплыв торговцев, мастеровых, рабочих, просто сельского населения из разных концов России появился лишь во второй половине XIX века после замирения Кавказа. Приходили с «пачпортами» от своих волостей, за которыми продолжали числиться в смысле отбывания воинской и других государственных и общинных повинностей. Вот именно эти-то новоселы в казачьих областях и стали так называемыми иногородними, численность их ко времени революции, прибавляя к этому население городов – Екатеринодара, Новочеркасска, Ростова и других, – начинала достигать численности самого казачьего населения.

И вот даже старое царское правительство, стремившееся всех «привести к одному знаменателю», – все государственное население, – даже оно в отношении казаков соблюдало осторожность. Известно, что каждое новое царствование сопровождалось выдачей казачьим войскам особых грамот, в коих торжественно подтверждались незыблемые права казачества (фактически, впрочем, всегда с большими очередными урезками).

Многовековая история казачества содержит не один дра-

матический момент, когда оно открыто выступало на защиту своих попираемых сверху прав.

Воспринимая революцию как освобождение от старой несправедливости в отношении себя, оно отнюдь не намерено было теперь терять с такими жертвами спасенные от самодержавия свои права. Оно их стремилось, наоборот, восстановить и даже расширить. Крестьянству оно желало того же, что и себе, но там, откуда пришло оно.

В долгополовском проекте не была соблюдена необходимая осторожность в этом отношении.

В нем, по образному выражению ловко пушенной демагогии, казачество было низведено в «примечание».

И действительно, в проекте Долгополова говорилось о праве казаков на заведование своим войсковым имуществом и, вообще, о ведении казаками своими делами, но не в самостоятельных статьях положения об областном совете и комитете, а лишь в примечаниях к ним. Правда, в этих «примечаниях» все же было декларировано, что казачьи части областного комитета и областного совета «могли» называться соответственно «войсковым правительством» и «войсковым советом», но это казакам удовлетворения не давало.

Кое-как, однако, с недомолвками, с перегибами в ту или другую сторону комиссия по временному областному самоуправлению свою работу закончила и провела ее через пленум съезда. Она ничего не успела сделать в отношении управления отделами (округами) и станичными и сельскими

обществами[15].

Другие комиссии съезда дальше отдельных резолюций общего свойства не пошли.

От иногородней части Земельной комиссии поступила, между прочим, резолюция-декларация, свидетельствовавшая, что «Кубанские Иногородние отнюдь не посягают на земли казаков».

Выборы в областной совет и в комитет в некоторых отделах прошли довольно бурно. В Екатеринодарском отделе были забаллотированы и Скидан (казак), и Долгополов (иногородний). Им отомстили за то, что они «загнали казаков в примечание»: Долгополов как автор устава, а Скидан как председатель пленума съезда. Впрочем, кооператоры Кавказского отдела, не желая в дальнейшем лишить последующую общественную работу содействия таких опытных общественных работников, провели их в комитет по своему Кавказскому отделу.

Утвердив выборы и проголосовав резолюции, общеобластной съезд закрылся.

---

[15] Утверждение некоторых авторов – генералов Деникина, Покровского, – будто первым областным съездом были санкционированы станичные советы и станичные комитеты, не соответствует действительности.

Глава IV

На другой день после закрытия съезда, в том же помещении собралась казачья часть его – официально – для избрания установленного съездом дополнительного числа членов исполнительного комитета от казаков, как было постановлено съездом. (См. выше о составе исполнительного комитета.)

Но, собравшись, казаки не захотели ограничиться исполнением лишь этой задачи.

Они объявили себя «Кубанской Войсковой радой», избрали особый ее президиум (во главе, впрочем, все с тем же В. В. Скиданом), образовали те же комиссии, что были на съезде, но прибавили *к* ним еще комиссию по казачьему самоуправлению, председателем которой был избран И. Л. Макаренко и заседания которой сразу же приняли в какой-то степени секретный характер. К самому Макаренко и его сотрудникам по комиссии – количественно еще совсем немногим – прилипала кличка «ура-казаков». В связи с полуконспиративностью и видимой большой хлопотливостью работы этой комиссии начали вызывать сомнения, как бы на плечи казачества не была бы вывалена ответственность за нарушение добровольно принятых на съезде общих решений.

Тогда была создана комиссия по общему самоуправлению, председателем которой был избран я и которая подчеркнуто приняла за руководство правило:

– Всуе законы писать, если их не исполнять.

Исходя из этого правила, моя комиссия повела работу тоже ускоренным темпом к тому, чтобы путем частичных поправок и дополнений, не противоречащих общему духу постановлений съезда, сделать Временное положение об управлении Кубанской областью более приемлемым и для казачества и уменьшить таким образом сопротивляемость в процессе вхождения его в жизнь.

Так как даже сам съезд не предназначал долгого срока действию своих «временных положений», то моя комиссии установила, что вопрос о пересмотре и исправлении «положений» может быть поднят уже осенью того же 1917 года, к каковому сроку должен быть вновь собран общеобластной съезд и Войсковая рада.

Брат И. Л. Макаренко состоял членом моей комиссии и долго и упорно развивал мысль, что на Кубани действительным и неоспоримым хозяином является Кубанское казачье войско, что мы – Войсковая рада – правомочны решать все вопросы, касающиеся жизни в области.

Охотников оспаривать его положения в комиссии не находилось, но, тем не менее, возобладало мнение лояльности в отношении общих решений съезда и даже сам И. Л. Макаренко согласился быть моим содокладчиком на раде постановлений нашей комиссии.

Уже на следующий день с утра рада приступила к заслушанию наших решений. В. В. Скидан, вполне сочувствовав-

ший нам, повел лично заседание, и депутаты, единодушно, без задержки, принялись голосовать в пользу наших предложений. Еще полчаса-час занятий рады и вся старательная конспирация Ивана Макаренко могла бы остаться втуне. Но кто-то дал им знать, что происходит в раде. С шумом ворвались в залу члены забытой комиссии и по узкому проходу между стенкой и стульями устремились к эстраде.

– Я прошу слова, – еще на ходу заявил И. Л. Макаренко, обращаясь к председателю. Но даже и ему не дали приблизиться к кафедре, из-за него выскочил некий подхорунжий М-а и, буквально столкнув меня с кафедры, занял ее и «благим матом» завопил:

– Погы-бло козацтво!…

И сам тут же разрыдался…

Рада оцепенела. В самом деле, что же произошло?!

Очень нервного подхорунжего свели с кафедры. Ее попеременно стали занимать «ура-казаки» и мы. Доводы их не отличались убедительностью, но их шумное выступление все же произвело на Войсковую раду впечатление.

Был объявлен перерыв до следующего утра. Инцидент был подвергнут обсуждению в отдельских совещаниях. А на другой день рада, по предложению Кавказского отдела, постановила «пришлые уже решения оставить в силе», но дальнейшее рассмотрение вопросов об общем самоуправлении отложить до осени. Ура-казаки получили еще реванш: по их настоянию Войсковая рада постановила усилить свое пред-

ставительство еще семью кандидатами к членам войскового правительства, – как бы резерв на всякий случай.

Рядовые члены рады, хозяйственники, спешили разъезжаться. Подходившие сроки неотложных полевых работ звали хлеборобов в станицы. Незаконченные труды комиссий поступили как материал в Войсковое правительство и в Войсковой совет по принадлежности.

Для завершения своей правящей организации Войсковой совет избрал семь членов Войскового контроля; я был избран на должность его секретаря.

Как незначительный эпизод, прошел в раде вопрос о посылке своих делегатов на съезд в Петроград, созывавшийся Союзом казачьих войск, организацией, возникшей в порядке «революционной инициативы» петроградского студенческого казачьего землячества, шумно заявлявшего о себе в острые моменты кризисов Временного правительства и всяческих в нем персональных осложнений, А. Ф. Керенского, генерала Корнилова и других. Очень важно здесь отметить, что, приняв приглашение Временного совета этого «Союза» прислать в Петроград на их съезд 1-13 июня 1917 года своих делегатов, рада не дала им полномочий принимать те или другие ответственные решения от имени рады; посылала она туда их лишь с целью осведомления.

Среди других туда поехали от рады П. Л. Макаренко и И. С. Коробкин.

На предварительном своем съезде 23–28 марта в Пет-

рограде же эта организация рекламировала себя как единственную, выражающую «действительные интересы и взгляды казачьих войск: такая самореклама не соответствовала частному почину ее возникновения.

Завершение работы Войсковой рады произошло более празднично, чем разъезд общеобластного съезда. Был устроен вечер-концерт с участием прекрасного войскового хора.

Между прочим, на этом вечере ко мне подсел И. Л. Макаренко и не без горечи спросил:

– Неужели так далеко разошлись наши пути?!

Случая доказательства единства наших общественно-политических взглядов до встречи здесь на раде у нас, собственно, и не было. Но смысл горечи в его вопросе заключался, очевидно, в том, что как я, так и он, как и большинство моих и его друзей, – мы сошли в свое время с одной и той же школьной скамьи – Кубанской (старейшей) учительской семинарии, все мы – дети «сиромы» казачьей, немногим из нас удалось пробиться к университетскому или к какому другому виду повышенного образования, но все мы вскормлены-вспоены Кубанью, и вот при первой пореволюционной встрече такая явная развилка наших путей. От них, «ура-казаков» апрельской Войсковой рады, пойдут потом течения «самостийного уклона», в смысле общеполитическом всегда более консервативного. Мы же – всегда сторонники единства российского и, по преимуществу, более радикального переустройства общественно-краевой жизни. (По возрасту И. Л.

Макаренко был года на два старше меня.)

Глава V

На 10 мая того же 1917 года было назначено начало работ Кубанского исполнительного комитета и Кубанского войскового правительства с Войсковым контролем.

Организационный период в исполнительный комитет очень затянулся. Войсковое же правительство, выбрав председателем А. П. Филимонова, без замедления приступило к действию, в первую очередь, постаралось подчинить себе старый исполнительный аппарат прежнего областного правления и войскового штаба.

В один из ближайших тому праздничных дней, 9/22 мая, было устроено представление чинов областного правления войсковому правительству с войсковым контролем. Председатель А. П. Филимонов сказал приличную случаю речь, обошел фронт чиновников, пожал руки старшим.

Войсковое правительство избрало местом своего пребывания атаманский дворец, другую половину которого занимал комиссар Временного Всероссийского правительства Бардиж.

Чиновники остались в своей старой цитадели – в здании областного правления, где в одной из комнат с прихожей устроился и я в качестве секретаря Войскового контроля.

Войсковое правительство, усвоив комиссионный порядок работы, сразу обросло комиссиями разного назначения и

сразу поплыло в потоке прений, резолюций и пр.

Штат служащих нашего Войскового контроля – одна машинистка, но в соседстве с нами – аппарат со многими писарями, делопроизводителями, столоначальниками и прочими. Дело контроля, по преимуществу, практическое.

Областное правление состояло из нескольких отделов – земельного, лесного, рыболовных вод и прочих. Во главе каждого – советник, возглавление всего аппарата – старший советник с секретарем.

Для новой власти было необходимо значительное время для ознакомления с отдельными отраслями огромного войскового хозяйства, установившимися способами эксплуатации его и, наконец, с порядком отчетности. Дело контроля как будто бы должно было начинаться с этого последнего: как велась отчетность, какими данными она располагает и т. д.

Но Войсковому правительству было не до практических занятий делами войска. Оно ушло целиком в вопросы политического дня, а главное, в борьбу за преобладание, за власть с областным комитетом, создавшим, наконец, свой президиум и открывшим свои действия в том же атаманском дворце.

Лично я считал, что наша задача, задача новой власти на местах заключается, прежде всего, в том, чтобы, согласуя свою деятельность с директивами всероссийского правительства, поддерживая единство в местной среде, принявшей революцию, всемерно укреплять позиции новой власти

не только в речах и в резолюциях, но и практически, при этом устранять остатки старой администрации, налаживать новый порядок, политический и хозяйственный – без старых ошибок и злоупотреблений.

В кругу своих друзей и правительственных органов мне приходилось не однажды развивать эти свои мысли и указывать на возможность печальных последствий того, что войсковое правительство не опускается до практических вопросов, поэтому теряет самостоятельность в наиболее жизненно необходимой стороне дела, попадает, между прочим, в плен к старым чиновникам.

В ответ слышалось о «несущемся потоке» революционных событий и о невозможности отвлечь внимание от них в сторону.

Некоторые, впрочем, из них приходили из дворца к нам и пробовали заниматься. Но это явление было только случайностью.

Чтобы быть в курсе дела правящих кубанских исполнительных органов, в Войсковом контроле я установил дежурство своих членов на заседаниях войскового правительства и областного исполнительного комитета. Фактически вышло так, что выполнение этих дежурств стало моей как бы личной обязанностью.

В заседаниях войскового правительства я бывал с правом совещательного голоса и обычно принимал участие в прениях.

Деятельность в этих исполнительных органах протекала как в машине без приводных ремней. Энергия тратилась или на «внутреннее горение», или на… взаимное подсиживание.

Областной комитет превращался в типичную «говорильню». Около месяца в нем оставался «временным председателем» В. В. Скидан – человек дела. Однажды на заседании он разнервничался, расплакался и ушел.

Тогда председателем комитета был избран адвокат Турутин, «трещетка», как прозвали его в войсковом правительстве, отличался он способностью произносить бесконечные и часто бессодержательные речи.

Комитет вовсе потонул в речах, собираясь на заседания дважды в день – утром и вечером.

На конец нюня назначался созыв общеобластного совета, но произвести подготовительную к нему работу общеобластной комитет был не в состоянии.

Основным вопросом, которым должен был заняться областной совет на предстоящей сессии, всеми считался вопрос о введении земства на Кубани.

Турутин съездил в Петроград за инструкциями по этому поводу и привез оттуда основные тезисы разрабатываемого там проекта нового земства в российских губерниях, но как применить общие положения общероссийского проекта в местной кубанской жизни, Турутин не знал, и вообще в комитете суетились, как бы совершая особый «бег на месте». В Войсковом правительстве только, наверное, старый Скидан

был искренним сторонником введения на Кубани земства по общероссийскому замыслу.

И. Л. Макаренко засел на несколько вечеров в областном правлении, написал и лотом напечатал в областной типографии особую брошюру, в которой собрал цифровые данные о суммах, истраченных войском и станичными обществами на постройки храмов, школ, больниц, приютов и пр. Цифры получились очень внушительные, и автор подчеркивал и ценность накопленного имущества, и ценность накопленного опыта за истекшие многие десятилетия, а также и то, как нецелесообразно отказываться от всего своего в пользу нового, не способного наладить работу учреждения.

На общем фоне бесцветности первого Войскового правительства Макаренко был видной фигурой, но являвшаяся иногда у него правильная мысль тонула в бесконечной и витиеватой его словесности. Его призывы к осторожности в принятии нового метода земского строительства, чтобы не погубить достойный всяческого внимания опыт прошлого, исходили из правильного учета предреволюционного положения на Кубани. Но одновременный его поход против «трескучих говорунов» в исполнительном комитете вызывал у тех подозрение о реакционных замыслах не только его, Макаренко, но всей казачьей части исп. комитета, а отсюда устанавливалось взаимное отчуждение.

Идея Макаренко о неотложности для казачества объединиться в Союз (несколько позже – в «Юго-Восточный союз»)

с одновременными и слишком громко произносимыми воплями о «ползучей вши» с фронта (дезертирах), о необходимости заслонов от нее на рубежах казачьих земель, – способствовали лишь углублению розни среди кубанского населения и к тому же кричать кричали, а практически сами ни с места.

А на улицах Екатеринодара уже шли непрерывные митинги с участием безответственных ораторов из той же самой «ползучей вши», как равно и слушатели были из нее же.

Мыслям Макаренко о необходимости защиты порядка у себя своей казачьей вооруженной рукой противопоставлялась мысль о вооруженной солдатской руке. В начале лета это была простая бравада, а потом стала тягчайшим фактом местной жизни.

Но тут произошло некоторое по времени отвлечение от споров и разговоров и о земстве, и о других вопросах общего строительства. Вскоре по сконструировании Войскового правительства в Екатеринодар прибыли в массе делегаты казачьих частей, побывавшие на Общеказачьем фронтовом съезде в Петрограде (открылся 23 марта 1917 года).

В своем большинстве это была офицерская молодежь в чине не выше есаула[16], и только небольшая часть была из кадрового офицерства, в большинстве же – прапорщики, хорунжие – офицеры производства военного времени.

Прибыв в войсковой центр перед отбытием на фронт для

---

[16] Двое были в чине войскового старшины.

доклада своим частям, они пожелали разобраться в войсковых делах на месте, в области.

– Что вы здесь натворили? – был преобладающий вопрос фронтовиков этого приезда к участникам областного съезда и Войсковой рады.

Нужно отметить, что эта громко взывающая часть фронтовиков оказалась по настроению близка к Макаренко. Громогласным коноводом ее был подъесаул Винников, здоровый молодой человек с необыкновенно зычным голосом. Но настоящее руководительство тут принадлежало, впрочем, не Винникову, а сотнику В. К. Бардижу, сыну комиссара Бардижа Кондратия Лукича.

Весьма гибкий, с юридическим образованием, В. К. Бардиж был недурным партнером И. Л. Макаренко в его игре. Он очень тонко действовал в направлении создания «требований фронтовиков» о необходимых исправлениях в принятых положениях об управлении областью, или, как образно выражались тогда, – требований о выведении казаков из «примечаний». Тонкость игры молодого Бардижа была необходима для этой группы не только вследствие особенностей времени, но также и вследствие наличия иных течений на самом съезде фронтовиков. На нем, прежде всего, была своя крайняя левая, – говорили даже, что возглавлял эту крайнюю левую знаменитый впоследствии большевистский главковерх Сорокин, – я его не помню; численно, группа левых была ничтожна.

Гораздо важнее было настроение основной массы приехавших тогда в Екатеринодар фронтовиков, молчаливой, сдержанной и серьезной.

В числе вопросов, поставленных именно этой частью фронтовиков Войсковому правительству на совещании в здании войсковой женской гимназии, где происходили тогда собрания, значилось, между прочим, как смотрит войсковое правительство на земельный вопрос.

Для успокоения именно этой части со стороны Войскового правительства выступил Л. С. Иваненко, свободный в таких случаях на язык, и громогласно заявил, что заподазривать Войсковое правительство данного состава в симпатиях к землевладельцам нет основания, – среди членов правительства имеется единственный землевладелец – это он, Иваненко, но, «чтобы характеризовать, как я смотрю на аграрную проблему в России, достаточно будет знать, что я принадлежу к партии социалистов-революционеров»…

Об этой части офицерства приходится сказать несколько слов.

Плоть от плоти и кость от кости всей казачьей служебно-рабочей массы, она взяла на свои плечи тяжелое бремя по тому моменту: это знаки офицерского отличия, – и с готовностью понесла это бремя, задерживаясь на фронте до последнего, неся при этом жертвы и в своем сознании человеческого достоинства, и своей кровью. Начало гражданской войны в этой среде отозвалось тем, что она, оказавшись

гонимой, стала формировать сначала чисто офицерские отряды, противопоставив свои единицы тысячам озлобленной толпы. После, когда широкая казачья масса стала прозревать и поняла неизбежность борьбы, то именно эти офицеры начали формировать своих станичников в отряды и выводить из-под удара, пойдя затем с ними уже организованно умирать за родину и честь будущих поколений.

Многие имена этих героев остались неизвестными; они погибли и никто не узнает об их подвиге. Пусть эти немногие слова запомнятся читателями.

Первый съезд фронтовиков в целом не нашел возможным производить ломку уже сорганизованного, воздержался от вынесения решительных резолюций по поводу установившегося порядка на Кубани и, информировавшись сам, разъехался по своим частям. Лишь немногие, войдя во вкус политики, задержались в Крае.

После их отъезда Ивану Макаренко и другим пришлось ограничиться использованием лишь того впечатления, которое осталось от зычного голоса подъесаула Винникова и хитроумия Вианора Бардижа.

С особым настроением прибыли делегаты Кубанской Войсковой рады с июньского Общеказачьего съезда (см. выше) в Петрограде, среди них П. Л. Макаренко и И. С. Коробкин.

Наказ рады не принимать от имени войска никаких обязательств они добросовестно выполнили, а в смысле инфор-

мации они имели возможность видеть и слышать в столице многое. В Петрограде в это время заседал 1-й Съезд Советов и было все еще полно эхом Съезда крестьянских депутатов и т. д.

Всероссийский казачий съезд состоялся 7-19 июня (ст. ст.). На нем было около 300 делегатов от 12 казачьих войск.

О заявлениях во время съезда кубанского делегата Петра Макаренко в «Известиях» Петроградского Совета рабочих депутатов от 7-20 июня (№ 88, 90 и 93) было напечатано, что «казаки постановили требовать ареста Ленина и его товарищей, этих бездельников, с которыми мы можем справиться». А в заключительной части резолюций самого казачьего съезда по политическому моменту говорилось, что «Временное правительство может опереться на казачество в борьбе с анархией…»

Но сами наши делегаты вернулись из Петрограда встревоженными.

Знаменитая фраза «селянского министра» Чернова, что «казакам де придется потесниться», – «они имеют большие наделы земли», – произвела крайне отрицательное впечатление как на самих казачьих делегатов, так и, по возвращении их к себе домой, на слушателей их докладов.

Интересно было наблюдать удивительную метаморфозу Петра Макаренко главы кубанской делегации. За одну-две недели, проведенных на всероссийской сцене, он бесконечно вырос по сравнению с тем, каким он был до поездки, –

молодым педагогом, не снимавшим с плеч вицмундира Ведомства народного просвещения и прикрывавшим мундирные знаки отличия цветным кубанским башлыком…

Основным мотивом его доклада было заявление о необходимости казакам самим организоваться, чтобы быть в состоянии друзьям при нужде помочь, а с врагами справиться своими силами.

Много говорилось об общей склоке в государственном центре и пленении власти «толпой безответственных лиц».

Для подкрепления своих заявлений Петр Макаренко ссылался на мнение видных политических деятелей, – между прочим, на Г. В. Плеханова, – которых ему пришлось посетить в Петрограде и которые, будто бы, одобрили казачьи позиции.

Веселой минутой собрания с докладами делегатов была одна, когда другой член делегации И. С. Коробкин рассказал о храбрости Ленина.

На одном из собраний Съезда Советов, где присутствовали и наши делегаты для информации, Ленин сделал заявление, меряя шагами эстраду. Коробкин описал при этом всю неказистую фигуру будущего всероссийского диктатора: «небольшой человек с козлиной бородкой…»

И вот его спросили:

– Согласились бы вы, товарищ Ленин, взять теперь всю власть в свои руки?

– Да, взял бы, и знаю, что я стал бы делать.

Для всех нас, слушателей, перед которыми только что была нарисована общая безотрадная картина положения государственной власти, самоуверенность «человечка с козлиной бородой» показалась столь занимательной, что все дружно засмеялись. Тогда это было определенно весело. Но характерно то, что этот случай докладчик все же запомнил и счел нужным доложить раде.

Общее настроение, созданное докладами делегации, было тягостным, – правда, в глубине души все же оставалась вера в то, что, авось, в конце концов, все образуется.

Глава VI

Первая сессия Кубанского областного совета открылась 24 июня (ст. ст.). Основной его задачей было рассмотрение вопроса о местном всесословном земском самоуправлении.

Но разработанного проекта ни областной комитет, ни Войсковое правительство совету не представили. В прямую задачу последнего это, впрочем, совсем и не входило. Правда, среди членов правительства ко времени открытия областного совета сторонников земства прибавилось, и при этом сторонников, вполне сознательно усвоивших данную мысль. Здесь оказались, кроме Скидала, еще молодой А. Ф. Лях и Д. С. Филимонов (однофамилец войскового атамана Филимонова).

Областной же комитет заговорил сам себя, и те общие положения, на которых он, в конце концов, остановился, были так далеки от жизни, что группе Ивана Макаренко, оставшейся в меньшинстве в комитете, не трудно было сформировать свои контрпредложения, которые не лишены были определенной доли основательности.

Неприятна была та заносчивость, которой не чуждо было иногороднее руководительство и стремление поприжать казаков своею численностью.

Первая стычка сторон совета произошла уже при выборах председателя. Казаки выставили кандидатуру Рябовола,

иногородние – присяжного поверенного

Либермана. Первый – казак старой Диньской станицы. В старом Запорожье так назывался один из куреней. Либерман – еврей, новый человек на Кубани.

Рябовол победил, но очень незначительным большинством.

В товарищи председателя прошел почти единогласно кандидат иногородних, видный педагог и бывший городской голова города Армавира, но тоже казак по происхождению – М. Л. Закладный. Последнее обстоятельство нужно особо отметить. В то время некоторые природные казаки становились на платформу иногородних, – кроме Закладного, например, ветеринарный врач Юшко и прочие. Во время этой, очень непродолжительной, сессии совета не однажды выступал с прекрасно построенными речами М. А. Траненко[17], тоже казак, но прошедший делегатом на общеобластной съезд от иногородних Лабинского отдела. Он высказывался за широкое привлечение к местному строительству через органы земского самоуправления всех слоев населения для укрепления с такими жертвами полученных свобод и для поддержа-

---

[17] Судьбу М. А. Траненко здесь нужно особо отметить. Личность высокоодаренная (особенно музыкально одаренная), он рано увлекся политикой, именно левой политикой. В 1905 году участвовал в Ростовском восстании, был за это судим, все время после суда до революция провел в ссылке; по возвращении из ссылки играл виднейшую роль в кубанской общее военно-политической жизни, но в эмиграцию не пошел и были слухи, что он погиб от большевиков в Армавире.

ния гражданского мира в области. Деятельность Макаренко Траненко охарактеризовал как мракобесие и злостную реакцию. В поддержку Макаренко выступал на заседаниях совета горец Султан-Шахим-Гирей. Но так как он высказывался за введение при конструировании Кубанского земства некоторых цензовых ограничений, то его поддержка лишь опорочивала систему Макаренко. Так или иначе, но в первые же два-три дня заседаний хитросплетения Макаренко «на тему» о Кубанском земстве были разоблачены, а у областного исполнительного комитета, как было ясно с самого начала, никакого конструктивного плана не оказалось. Совету, собственно, делать было нечего. Разве что самому погружаться в комиссионную работу по выработке проекта положения о Кубанском земстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.